

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Рассматриваются актуальные вопросы конституционно-правовых основ защиты прав и свобод личности в уголовном и уголовно-процессуальном праве. На основе анализа материальных и процессуальных норм автор приходит к выводу о достаточности нормативной базы, регулирующей рассматриваемые отношения

Ключевые слова: права личности; уголовный процесс; защита прав.

Как известно, Конституция Российской Федерации составляет основу всей правовой системы Российской Федерации, поскольку ее положения имеют высшую юридическую силу, прямое действие и применяются на всей территории страны (ч. 1 ст. 16 Конституции РФ). Положения и нормы отраслевого законодательства по своему духу, направленности, формам реакции и механизмам их исполнения должны соответствовать Конституции, что в случае сомнения подтверждается или опровергается соответствующим решением Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционные положения, таким образом, являются определяющими по отношению к любому отраслевому законодательству. «Конституция – это основа и государственной, и общественной жизни, т.е. всех отношений, которые в обществе регулируются правом... Конституция – это ключ ко всей системе права» [1. С. 511–512]. Здесь можно было бы продолжить мысль автора данного высказывания и заявить, что Конституция – это не только ключ ко всей системе права, но и ко всем нормам всех отраслей права. Во всяком случае, конституционные положения являются определяющими по отношению к любому отраслевому законодательству.

Относительно норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в самом тексте Конституции РФ имеется достаточное число положений (статей), в которых содержатся принципиальные моменты, связанные с вопросами охраны прав и свобод личности нормами уголовного и уголовно-процессуального права. Так, в гл. 2 Конституции непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу имеют положения, закрепленные в ст. 20–25, 45–54, а в гл. 7 Конституции – в ст. 118–123. В особенности для нас важны положения, изложенные в гл. 2 Конституции, поскольку они составляют основы правового статуса личности в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией (ст. 64 Конституции РФ), т.е. в особом порядке, который установлен в самой Конституции относительно ее глав 1, 2, 9.

В структуре ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) преступления против личности, ее прав и свобод или, как говорят представители науки уголовного права, составы преступлений, т.е. описания конкретных уголовно наказуемых деяний с их традиционными 4-членными элементами: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, – занимают значительное место. По нашим подсчетам, они представлены в виде 53 составов преступлений, а соответственно и статей УК РФ, соединенных в соответствующие главы этого Кодекса. Это гл. 16, 17, 18, 19 и 20, объединенные затем в раздел VII

УК РФ, который так и называется – «Преступления против личности».

В уголовно-правовой литературе высказываются различные суждения даже относительно самого названия этого раздела. Так, автор достаточно обстоятельной монографии, посвященной уголовно-правовой охране прав и свобод человека в России, А.Н. Красиков полагает, что этот раздел УК РФ следовало бы назвать «Преступления против прав и свобод человека и гражданина» [2. С. 5]. При этом он ссылается на ч. 2 ст. 1 Декларации прав и свобод человека и гражданина в РСФСР от 22 ноября 1991 г. (документ в последние годы у нас редко упоминаемый и цитируемый) и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров перед внутригосударственными правоустановлениями. Не смущает автора и то, что название гл. 19 анализируемого им УК РФ почти дословно совпадает с предлагаемым им названием всего этого раздела Уголовного кодекса: «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Конечно, в последнем случае ключевым является, пожалуй, слово «конституционных» (прав и свобод), где речь идет об ответственности в основном за преступления против политических прав и свобод граждан России. Но в любом случае мы усматриваем некую излишнюю терминологическую свободу у названного автора.

Другой автор, К.К. Панько, в статье, посвященной защите чести и достоинства личности в уголовном праве, останавливает свое внимание при этом лишь на ст. 129 и 130 УК РФ, где говорится об уголовной ответственности за клевету и оскорбление [3. С. 295]. Охрана или восстановление уголовно-правовым методом отдельных прав и свобод личности, нарушенных совершаемыми конкретными преступлениями, есть чисто уголовно-правовая материя. В рамках уголовно-правовой доктрины она исследована достаточно обстоятельно и всесторонне. Если взять, к примеру, такой состав преступления, как убийство, то по нему написаны десятки монографий и других более мелкого калибра работ. По этой теме заметный след в науке оставили такие авторы, как Н.И. Загородников, Б.С. Утевский, М.Д. Шаргородский, С.В. Бородин, Н.А. Беляев, а еще раньше Н.С. Таганцев, А.А. Жижиленко и др. При этом названные авторы исследовали не только вопросы, имеющие непосредственное отношение к убийству как уголовно-правовому составу преступления, но и как бы попутно и при этом достаточно глубоко писали о таких более общего характера вопросах, как, например, что такое жизнь и что такое смерть; что считать моментом появления жизни – начало родов или их окончание; по каким признакам следует различать убийство, само-

убийство и доведение или понуждение к самоубийству. Вслед за медиками и биологами юристы вынуждены вникать в тонкости различия таких понятий, как живорождение и мертворождение. Причем заметим, что обращение к подобным тонкостям проблемы не есть досужие рассуждения отдельных ученых или игра их ума. Эти понятия рассматриваются в нормативных актах авторитетных международных организаций и, как следствие, в нормативных актах наших медицинских ведомств. В проблему оказываются втянутыми не только биологи, медики и юристы, по ним высказываются богословы различных конфессий, философы и этики.

Споры в теории уголовного права о том, какой момент следует считать началом жизни, а по этому вопросу нам известны высказывания Б.В. Утевского, А.А. Пионтковского, Ш.С. Рашковской и М.Д. Шаргородского, получили разрешение в Приказе Минздрава Российской Федерации и Постановлении Государственного комитета Российской Федерации по статистике от 4 декабря 1992 г. «О переходе на рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения критерии живорождения и мертворождения». На основе названного документа ВОЗ в нашей стране разработана и действует Инструкция Минздрава РФ «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода».

Казалось бы, документ такого уровня, как инструкция, да еще и неюридического ведомства, может быть проигнорирован правоведами, но по вопросам, близко примыкающим к изложенным в названной Инструкции, имеется Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 1992 г. «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы» [4. С. 84]. И здесь уже юристам невозможно просто отмахнуться от вышеназванных вопросов.

Не менее сложным, чем вопрос о моменте начала жизни человека, является и вопрос определения момента его смерти. Ясность в этот вопрос вносит Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», согласно ст. 9 которого момент смерти человека в нашей стране увязывается с констатацией необратимой гибели всего головного мозга, что осуществляется в соответствии с процедурой, утвержденной соответствующей Инструкцией Министерства здравоохранения России от 10 августа 1993 г.

В числе других вопросов, примыкающих к рассматриваемому, следует упомянуть еще один достаточно актуальный в последнее время и заслуживающий специального рассмотрения – вопрос об эвтаназии (в переводе с греческого – легкая, безболезненная смерть).

При этом нельзя не высказать сожаления по поводу того, что ряд таких важных социально-правовых вопросов решается порой не в законах, а в ведомственных инструкциях, что чревато порождением конфликтных ситуаций и другого рода недоразумений, вроде запрета операций по пересадке органов человека и т.п.

Все ранее сказанное о жизни и смерти человека нам потребовалось для того, чтобы показать, какие подводные камни могут ожидать всякого, кто ненароком или специально займется проблемой охраны прав и свобод личности, в том числе и в конституционно-правовом ее

преломлении. Здесь возникают вопросы как общетеоретического характера, так и применительно к охране отдельных прав и свобод человека. Одним из таких конкретных конституционно закрепленных и, возможно, наиболее важных для всякого человека правом является право на жизнь (ч. I ст. 20 Конституции РФ). Впервые упоминание об этом праве появилось еще в тексте Конституции РСФСР 1978 г., а затем в Конституции, изданной в июне 1992 г. после поправок, внесенных VI Съездом народных депутатов Российской Федерации 21 апреля 1992 г. [5]. Кстати, тогда же специальным постановлением Съезда после многочисленных голосований было принято и новое название нашего государства – Российская Федерация – Россия, зафиксированное ныне в ч. II ст. 1 действующей Конституции с указанием на то, что эти наименования равнозначны.

Интересно посмотреть даже на титульный лист названного издания Конституции, который вызывает, с точки зрения конституционалиста, возможно, и не такие уж важные в теоретическом плане, но достаточно показательные ассоциации. Так, в названии Конституции, по установившейся в советском государствоведении традиции, еще сохраняется двойное наименование этого документа – «Конституция (Основной закон)», приводится здесь же на титульном листе этого издания и полное наименование нашего государства – «Российская Федерация – Россия».

Закрепление на конституционном уровне права на жизнь как права каждого человека явилось логическим продолжением воспринятой тогда и разделяемой по настоящее время Российским государством естественно-правовой доктрины происхождения прав и свобод человека и гражданина. Статья 32 тогдашней Конституции утверждала прямо и недвусмысленно, что «права и свободы человека принадлежат ему от рождения», и это почти дословно, но в более благозвучной и несколько более расширенной формулировке, с добавлением указания на неотчуждаемость этих прав и свобод повторено и в ныне действующей Конституции Российской Федерации: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. II ст. 17 Конституции РФ).

Право человека на жизнь, таким образом, теорией естественного права рассматривается как прирожденное, а не как дарованное (октроированное) ему кем-либо. Имеется в виду при этом в первую очередь как дарованное государством. Другое дело, что государство в любом случае обязано защищать и охранять это право человека, что оно и делает и делало ранее в первую очередь уголовно-правовым методом, т.е. методом уголовного наказания за различные виды (способы) лишения жизни человека. В этом легко убедиться, ознакомившись со ст. 21 гл. 16 нынешнего Уголовного кодекса Российской Федерации. Специалисты уголовного права при этом отмечают, что эта глава нынешнего УК РФ пополнилась ст. 106, предусматривающей уголовную ответственность матери за убийство новорожденного ребенка, что толкуется ими как несколько иное, нежели «детоубийство», понятие, встречающееся в уголовно-правовой литературе [2. С. 43].

Убийство матерью новорожденного ребенка относится к числу так называемых привилегированных со-

ставов убийств, признаки которого отмечены в формулировке ст. 106 УК РФ в виде трех обстоятельств объективной стороны данного преступления: убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов; убийство, совершенное матерью в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости; убийство новорожденного ребенка матерью в условиях психотравмирующей ситуации.

Чтобы показать, что у нас в юриспруденции при решении почти всякого, с точки зрения неспециалиста, пустякового вопроса возникают совсем не пустяковые по своим правовым последствиям рассуждения и предложения, назову одно, имеющее прямое отношение к рассматриваемому составу преступления, – это понятие новорожденности ребенка. Так вот, в педиатрии (наука о детских болезнях, методах их лечения и предупреждения) длительность новорожденности признается равной одному месяцу, в акушерстве – одной неделе, а в судебной медицине – одним суткам [6. С. 31].

Однако для нас важнее другое. Скажем, вопрос об объекте преступления при совершении убийства. Конечно, убийство есть умышленное, противоправное лишение жизни другого человека. Но в литературе встречаются и несколько иные определения объекта посягательства при убийстве. Так, С.В. Бородин полагает, что «объектом убийства является жизнь человека, но вместе с тем при совершении этого преступления нарушаются общественные отношения, господствующие в обществе, так как жизнь человека – понятие социальное и его нельзя сводить только к биологическому процессу» [7. С. 29]. Здесь мы видим перевод объекта конкретного преступления с отраслевого правового уровня на более высокий, уровень общественных отношений, регулирование которых осуществляется по несколько иным понятиям и представлениям, нежели уголовно-правовые отношения.

В итоге получается, что если в свете новых представлений посмотреть на понимание объекта убийства с позиций конституционного права, то непосредственным объектом преступления при убийстве является даже не сама жизнь конкретного человека как таковая, а право человека на жизнь.

Это более широкое представление об объекте рассматриваемого преступления, и оно в большей мере является понятием даже не уголовно-правовым, а конституционно-правовым, т.е. поднимается с уровня отраслевого уголовно-правового понятия на уровень конституционно-правовой. Ибо, как явствует из определения С.В. Бородина и вытекает из общественно-правового и философского представления о сущности человека и ценности его жизни, жизнь человека – это действительно далеко не только биологические и психофизиологические процессы. Она протекает в человеческом обществе, где определяющими являются общественные отношения, а применительно к праву и правовой деятельности – правовые отношения, определяющими из коих, как мы смеем утверждать, являются конституционно-правовые отношения.

Основанием для такого утверждения является провозглашение Конституции Основным законом государства. Но еще более важным при этом является утверждение и включение его в качестве неперемennого эле-

мента правосознания в первую очередь всех юристов, а затем и граждан страны с последующей реализацией в практической деятельности властных структур общества, государства. Достижение подобного положения является подлинно актуальной и всеобщей задачей российского общества.

Поэтому для нас более ценным будет конституционное утверждение более общего характера относительно прав и свобод человека и гражданина о том, что «они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ). Возможно, безусловное и повсеместное исполнение данного положения Конституции – это вряд ли достижимый идеал, но стремление к нему уже будет служить ориентиром и верхней планкой наших усилий и по построению правового государства, и по реализации на деле, в жизни прав и свобод человека.

Рассматривая право на жизнь человека в его конституционно-правовом преломлении, нельзя не упомянуть вопрос о смертной казни как возможной мере уголовно-правового наказания, тем более что Конституция РФ говорит об этом в той же ст. 20. Получается, что право на жизнь и возможность лишения жизни человека по воле государства составляют содержание одной и той же статьи Конституции.

За все годы действия Конституции Российской Федерации 1993 г. вокруг вопроса о смертной казни сломано немало копий, и все юристы страны, а вслед за ними и российский народ как бы разделились на два неравных лагеря: меньшая часть выступает за ее безусловную отмену, в то время как большая часть и юристов, и в особенности «простого народа» выступают за применение смертной казни в судебной практике России. Европейская общественность правомерно требует от России присоединения к шестому Протоколу Конвенции о правах человека – такое обязательство Россия брала на себя при вступлении в Совет Европы; в то же время мы полагаем, что сделать это невозможно, пока существует соответствующая запись в действующей Конституции Российской Федерации. И никаким федеральным законом отменить возможность применения смертной казни у нас при существующей правовой коллизии нельзя!

Другой конституционно-правовой категорией, имеющей определенное обобщающее значение при рассмотрении правовых основ охраны прав и свобод личности в уголовном праве, является называемое в ч. 1 ст. 21 нашей Конституции «достоинство личности». Это обобщенное понятие чаще всего рассматривается как этическая категория, означающая особое осознанное моральное отношение человека к самому себе и такое же отношение к нему со стороны общества. Однако употребление этой категории в тексте Конституции РФ, можно сказать, автоматически переводит ее из категории этической в категорию правовую, причем конституционно-правовую. Согласно ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Названные положения Конституции РФ тесно примыкают к положениям ее ст. 20 – о праве человека на жизнь – и в своей

взаимосвязи «выражают государственно-правовое признание социальной ценности человека как биосоциального существа в единстве его психофизических и духовно-культурных качеств и свойств и выступают тем самым закономерной субъективно-личностной конкретизацией одной из основ конституционного строя Российской Федерации, выраженной в статье 2 Конституции» [8. С. 9]. Можно лишь согласиться и присоединиться к сказанному А. Джагаряном, подчеркнув еще раз, что подобное приведенной формулировке понимание достоинства личности следует наполнить, может быть, более приземленным, конкретным содержанием, в особенности в том случае, когда речь идет об уголовно-правовой материи, где всегда в качестве субъекта преступления выступает индивидуально обособленный субъект с неперенным установлением его тождественности, т.е. соответствия самому себе.

Сама Конституция РФ в ч. II той же ст. 21 как бы указывает, в чем могут проявляться крайние формы нарушения достоинства личности: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Допущение подобных форм нарушения достоинства личности при условии их доказанности – прямой предмет для уголовно-правового реагирования на них.

По вопросу о соотношении Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) в качестве общего вывода может быть отмечена тесная связь и в ряде случаев даже текстовая идентичность этих положений, причем это относится к положениям, носящим принципиальный характер для уголовного судопроизводства.

Уже в ч. I ст. 1 УПК РФ заявляется, что порядок уголовного судопроизводства, устанавливаемый настоящим кодексом, основан на Конституции Российской Федерации, а само уголовное судопроизводство имеет назначением как защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, так и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Другими словами, назначение справедливого наказания виновным и отказ от уголовного преследования невиновных как две равнозначные задачи определяют смысл и предназначение всего уголовного судопроизводства.

При этом охрана прав и свобод человека и гражданина выдвигается как один из принципов уголовного судопроизводства, а если лицу в результате нарушения его

прав и свобод судом или должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, был причинен вред, он подлежит возмещению. Последнее положение почти дословно повторяет ст. 53 Конституции РФ.

Аналогичного характера «перекличку» можно обнаружить при изучении ст. 10 «Неприкосновенность личности» УПК РФ и ст. 22 Конституции РФ; ст. 12 «Неприкосновенность жилища» УПК РФ и ст. 25 Конституции РФ; ст. 13 «Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» УПК РФ и ст. 23 Конституции РФ.

В ряде принципиального характера вопросов формулировки УПК РФ «идут дальше» формулировок соответствующих статей Конституции, поскольку закрепленные в них положения имеют определяющее значение для уголовного судопроизводства, и потому требуется большая их детализация. Так, ст. 14 УПК РФ, посвященная презумпции невиновности, не только провозглашает один из элементов этого института, гласящий, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, но значительно углубляет этот момент тем, что опровержение доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Это, в частности, предоставляет защитнику обвиняемого определенную «свободу» в приведении доводов и суждений в опровержение предъявленного его подзащитному обвинения, порой не заботясь об истинности своих доводов, поскольку их опровержение лежит на стороне обвинения.

Аналогичную картину можно заметить в ст. 15 УПК РФ «Состязательность сторон» и ч. III ст. 123 Конституции РФ; в ст. 16 УПК РФ «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» и ст. 48 Конституции РФ.

В целом можно отметить, что Конституция РФ 1993 г. содержит значительное число положений, которые с полным основанием можно назвать процессуальными, что в известной мере расширяет и укрепляет конституционно-правовые основы отечественного уголовного судопроизводства.

В заключение можно констатировать, что действующая ныне Конституция Российской Федерации содержит в себе достаточное число положений, которые подводят базу для реакции государства и на совершаемые уголовно-наказуемые деяния (нормы материального права), и на их надлежащее процедурное разрешение (нормы процессуального права), чтобы в конечном счете были соблюдены соответствующие права и свободы личности и обеспечено справедливое возмездие каждому совершившему подобного рода преступление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М. : Норма, 2008.
2. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов : Полиграфист, 1996.
3. Паныко К.К. Защита чести и достоинства личности в уголовном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Право». 2007. № 2 (3).
4. Права человека в России – международное измерение. М., 1995. Вып. 1.
5. Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России // Издание Верховного Совета Российской Федерации. М. : Известия, 1992.
6. Вермель И.Г. Сложные вопросы судебной медицины. Свердловск, 1989.
7. Новое уголовное право России : учеб. пособие. М. : Зерцало ТЕИС, 1996.
8. Джагарян А. Достоинство личности как глобальная ценность в русской конституционной среде: взаимные права, обязанности и ответственность человека, народа, государства // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 мая 2012 г.